

Жизнь — направленное движение.

На низкой орбите Джоуры царило столпотворение кораблей, которые соперничали за свободное пространство. Электромагнитный туман ауспиков и вспышки двигателей тяжёлых судов омывали вереницы грузовых ботов, большегрузных вместительных тендеров и системных мониторов, пока местные пилоты выводили их на позиции для заправки, перевооружения и пополнения припасов. Подобные сборы случались нечасто, а сразу два оказались не просто редким событием, а настоящей занозой в заднице.

“Ренард” считался кораблём солидного тоннажа, но в сравнение с рабочими судами, которые вальяжно перемещали чудовищно толстые корпуса между Джоурой и флотами, он казался всего лишь незначительным пятнышком. Оба флота тем временем соревновались за доковое пространство подобно визжащим детёнышам жвачных медведей, которые сражались за лучшее место у соска.

Робауту Сюркуфу не нравилось так думать о своём корабле. Ни один достойный своего звания капитан не станет так делать.

Командный мостик “Ренарда” представлял собой мягко освещённый зал из обработанной древесины, бронзы и стекла, украшенный в устаревшей манере, больше подходящей древним парусным кораблям, рассекавшим океаны Макрагга. Каждую поверхность отполировали до зеркального блеска, и, хотя магос Павелька называла это пустой тратой ресурсов её сервиторов, даже адепт Духовенства Марса не станет возражать вольному торговцу с каперским свидетельством, признанным в сегментум Пацификус.

Павелька утверждала, что в сердце корабля живёт частичка Омниссии, и это должно было успокоить любого капитана, но, когда дело касалось кораблей, Робаут не соглашался с рабской преданностью Иланны марсианской догме. Он знал, что нужно любить корабль, любить его сильнее всего на свете. Управляя в молодости субатмосферными катерами на Иаксе, он понял, что каждый корабль обладал душой, и душу эту нужно любить. А корабли, которые знали, что их не любят, становились вздорными кобылами — в лучшем случае злыми, в худшем опасными.

Иланна Павелька оказалась единственным членом экипажа, который не возражал против их опасной затеи. Более того у неё едва не закружилась голова от перспективы присоединиться к исследовательскому флоту архимагоса Котова и вновь работать с коллегами, жрецами Механикус. Возможно, головокружение не совсем правильное слово, но она высказала спокойное одобрение, которое было ближе к волнению, чем всё, что когда-либо Робаут видел у жреца Марса.

— Новая информация: от “Сперанцы” поступила инструкция для стыковки, — сообщила Павелька, говоря с отделанного сталью встроенного поста управления в передней арке мостика. Перед ней водопадом лились голографические потоки бинарных данных, и она управляла ими при помощи покачивающихся механодендритов, которые поднимались над плечами, подобно клубку змей. — Мы получим место у причала через сто минут.

— Какой допуск ошибки? — спросил Эмиль Надер, первый помощник “Ренарда”, сидевший в отформованных инертных ремнях безопасности слева от Робаута, он сохранял корабль в коридоре подхода ловкими прикосновениями к рулю системы маневрирования. Павелька могла вести их на электромагнитном фале, но Робаут предпочитал предоставлять Эмилю некоторую свободу в верхней атмосфере. “Ренарду” предстояло в скором времени подстроиться под курс “Сперанцы” и самоуверенный первый помощник оценит время свободного полёта. Как и большинство уроженцев Эспандора, он обладал взрывным диким характером, который не располагал к бездумному послушанию машинам.

— Пояснение: никакой, — ответила Павелька, — когитаторы “Сперанцы” относятся к первому поколению марсианских логических машин, они не допускают ошибок.

— Но не пилоты перед нами, — возразил Эмиль. — Фактор в их присутствии.

— Все суда перед нами привязаны, что ждёт и нас, прежде чем мы войдём в гравитационное поле “Сперанцы”. Не будет никакого допуска ошибки.

— Хочешь держать пари? — спросил Эмиль с хитрой усмешкой.

Тихий выдох химического дыхания вырвался из-под красного капюшона Павельки и Робаут скрыл улыбку от её раздражения. Эмиль Надер не упускал шанс поддеть непогрешимость Механикус и никогда не обращался к автоматизации, если оставалась возможность для человеческого контроля.

— Я не держу пари, господин Надер, — ответила Павелька. — У вас нет ничего, что мне нужно и ничто из моих вещей не подойдёт вам без глубокой модернизации вашей брюшной полости.

— Прекращай, Эмиль, — сказал Робаут, когда увидел, что Надер собирается ответить на заявление Павельки чем-то провокационным. — Просто сосредоточься на том, чтобы доставить нас невредимыми. Если мы хотя бы на километр отклонимся от коридора подхода, то спровоцируем беспорядок в орбитальном трафике похлеще, чем на Кадии, помнишь, когда тот офицер “Гаталамора” выстрелил по собственному мостику?

Эмиль покачал головой. — Постараюсь, чтобы до этого не дошло. Но что они ожидали, назвав так корабль? Точно также его могли назвать “Гор” и покончить с этим.

— Не произноси это имя! — прошипел Адара Сиаваш, откинувшийся на спину в астропатическом кресле Гидеона Тивеля, и вращавший в одной руке затворный механизм лазерного пистолета, а в другой нож-бабочку. — Оно сулит неудачу.

Робаут не мог точно сказать какое звание или положение занимал Адара Сиаваш на “Ренарде”. Он поднялся на борт, чтобы перевести груз с Джоуры на Лодан, но так и не сошёл. Он смертоносно владел клинком и стрелял из винтовки с мастерством достойным темляка снайпера Иакской оборонной ауксии. В том рейсе он спас Робауту жизнь, прикончив

оказавшегося незарегистрированным псайкером пассажира, который во время путешествия едва не уничтожил всех на борту. И при всём при этом Робаут не мог не думать о нём как о маленьком мальчике, такова была его искренняя невинность и постоянное удивление странностям галактики.

Иногда Робаут почти завидовал ему.

— Парнишка прав, — произнёс он, когда почувствовал дрожь в системах корабля. — Не произноси это имя.

Первый помощник пожал плечами, но капитан видел, что Эмиль понял, что пересёк черту.

Экипаж продолжил заниматься текущими делами и Робаут вывел активные эксплуатационные операции на внутреннюю поверхность сетчатки. Куча кабелей с золотыми проводами тянулись от основания его шеи к командному трону, на котором он сидел. По ним в реальном времени поступали данные с различных активных станций мостика. Траектории, векторы движения, расход топлива и скорости сближения прокручивались вместе с ноосферными ярлычками сотен судов на орбите.

Всё выглядело в порядке, хотя несколько технических систем работали не на такой мощности, как ему хотелось бы. Робаут активировал вокс-частоту с техническими отсеками, которые находились почти в двух километрах от мостика.

— Каирн, ты видишь уровень подачи хладагента к двигателям?

— Разумеется, вижу, — раздался голос Каирны Силквуд, технопровидца “Ренарда”. — Каждую минуту я провожу шестьсот четыре системных проверки. Я знаю больше об этих двигателях, чем ты когда-либо сможешь узнать.

Эмиль наклонился и прошептал. — Ты должна была спросить. Ты всегда должна спрашивать.

Каирн Силквуд была бывшим гвардейцем, ветераном-технопровидцем кадианских кампаний. Её демобилизовали из полка после нежелательных выстрелов в голову на Немезиде Тессере во время последнего массированного вторжения из Ока Ужаса. Она не соответствовала физическим требованиям Гвардии, а из-за потери трёх танков, которые находились под её опекой, Механикус так же не нуждались в ней. Но Робаут оценил её редкое мастерство уговаривать двигатели, когда требовалось сочувственное прикосновение или пинок по заднице.

— Просто присматривай за ним, — сказал он и отключил связь, прежде чем Силквуд успела разразиться новыми ругательствами.

Несмотря на некоторое беспокойство о двигателях “Ренард” был кораблём, который Робаут знал, как ни один другой. Быстрый, манёвренный (насколько это возможно для

трёхкилометрового судна) и вмещавший достаточно груза, чтобы приносить прибыль при полётах в местной системе. Даже полёт длиной в сектор не был за пределами его возможностей, но Робаут не любил подвергать корабль таким далёким путешествиям. За те пятнадцать лет, что он командовал им “Ренард” ни разу не подвёл своего капитана, а такое уважение следовало заслужить.

— Внизу за нами движется тендер с прометием, — сообщил Эмиль. — Он горячее, чем мне хотелось бы и приближается на эллиптическом курсе.

— Видимо кто-то из управляющих планетарными доками получил разнос от своих хозяев с требованием сократить сроки орбитальных поставок, — ответил Робаут. — Сколько до него?

— Две тысячи километров, но в наивысшей точке он приблизится до полутра тысяч, если мы не скорректируем курс.

— Нет, — сказал Робаут. — Две тысячи, полторы тысячи, какая разница? Если он взорвётся, то мы увидим только вспышку, прежде чем сгорим. Экономь топливо, сохраняем курс.

Робаут не беспокоился из-за возможности столкновения — даже между ближайшими судами сохранялось расстояние в несколько сотен километров — что его волновало так это создаваемая их капитанами угроза отстать от графика. И Робаут не собирался усугубить её, опоздав на первую личную встречу с Лекселем Котовым.

Архимагос ясно дал понять, что подобное нарушение протокола недопустимо.

Эмиль совершил последний манёвр, изменив тягу двигателей, и из всех ярких огней, заполонивших небо, в поле зрения оказался самый яркий и самый большой.

Даже Робауту пришлось признать, что его сильно впечатлил увиденный корабль. Он излетал вдоль и поперёк не один сектор, но так и не встретил ничего, что сравнилось бы с подобным размером и великолепием.

— Адара, — сказал Робаут. — Спускайся и сообщи магосу Тихону, что скоро мы состыкуемся со “Сперанцей”.

У бара докеров не было названия, никто никогда и не задумывался о том, чтобы дать ему его. Но все вокруг оживлённого порта знали об этих сваренных переделанных грузовых контейнерах, куда провели элементарные удобства в виде энергии и водопровода. Его настоящий владелец оставался неизвестным, но непрекращающийся поток раздражённых и вымотанных докеров неизменно заполнял его отражающее эхо металлическое пространство.

— Здесь вы пьёте после работы? — спросил Исмаил, невнятным тоном недвусмысленно указывая Авреему и Койну, что он думал об этом месте. — Неудивительно, что обычно мы

отстаём от графика.

Авреем уже пожалел о том, что принял предложение управляющего поставить крановщиками выпивку, но отступить было поздно. Впервые за последние несколько недель они выполнили норму выработки, и в редкий момент щедрости Исмаил предложил им выпить.

— Да, — ответил Авреем. — Оно не очень, но нам нравится.

— Чёрт, что за вонь, — поморщился от отвращения Исмаил.

Управляющий погрузчиком уже был пьян. Шайн, выпитый в нескольких барах, которые они успели посетить, почти валил его с ног. Исмаил пил редко и это выражалось в мелочном характере и грубых шутках над теми, кто не смел ему ответить.

Ночные посетители уже заняли многоместные сидения, а в горле стояла острая вонь машинного масла, смазки, топлива кранов, пота и уныния. Авреем хорошо знал этот аромат, потому что от него разило тем же.

Люди поворачивались в их сторону, пока Исмаил продирался сквозь толпу к барной стойке — нескольким толстым доскам на паре опор, на которых размещались две цистерны, некогда служившие баками прометия “Адской гончей”. Некоторые утверждали, что могли по едва уловимому аромату сказать в какой из них варили какой шайн, но, как кто-то мог хоть что-то распробовать после нескольких глотков, оставалось для Авреема тайной.

Койн дотронулся до руки Авреема, когда тот направился за Исмаилом.

— Шары Тора, ты не должен был соглашаться с ним выпить, — прошептал его напарник-механик.

Авреем и сам прекрасно это понимал, но попытался сохранить лицо. — Да ладно, он неплохой босс.

— Неплохой, — согласился Койн. — У меня бывали и хуже, это точно, но есть линии, которые тебе не следовало пересекать.

— И пить шайн с человеком, который может нас уволить, одна из них, я знаю.

— Нам повезёт, если он уйдёт, не устроив драку. И когда он проснётся с трещиной в черепе, то обвинит во всём нас. Я не могу потерять эту должность, Авреем, я содержу жену и троих детей.

— Я знаю, — ответил Авреем, раздосадованный, что Койн всегда в первую очередь думал о своих проблемах. У него и самого была жена, хотя она стала ему чужой. Оба их ребёнка умерли

от болезни лёгких, когда им не было и пяти лет, и эта потеря окончательно сломала их. Ядовитые испарения разросшихся очистительных заводов Механикус висели туманом над жилыми районами вокруг доков Флота, а дети оказались слишком чувствительны к губительной атмосфере.

— Давай, — сказал Койн. — Давай попробуем покончить с этим, пока у нас ещё есть работа.

— Выпьем по стаканчику, а потом уйдём, — пообещал Авреем, продираясь между хмурыми пьяницами. Он уже слышал гнусавый голос Исмаила над кипящим гвалтом мрачного разговора. Авреему были знакомы большинство из лиц собратьев-работяг, которые трудились до изнурения, обрабатывая грузы и удовлетворяя потребности кипучего, обложенного десятиной мира.

Времена всегда были непростыми, но на высоком якоре стоял флот Механикус, который следовало снабжать так, чтобы экспедиция могла продлиться неограниченное время, поэтому доки и их работники напряглись до предела. Да, случались и несчастные случаи, в том числе и со смертельным исходом. Их причину легко можно было связать с чрезмерным употреблением шайна, который гнали в очищенных топливных баках, но жизнь нескольких пьяных докеров мало стоила в великой схеме вещей.

Сотни флотских тендеров ежедневно прибывали и убывали на погрузочные площадки, заполненные и стонавшие от оружия, боеприпасов, продовольствия, топлива, запасной униформы, частей двигателей, запчастей, хирургических запасов, миллионов галлонов очищенных жидкостей для смазывания, питья, омовения и кто знает чего ещё. Это была трудная и опасная работа, но это была работа, и никто на Джоуре не мог позволить себе отказаться от постоянного надёжного потока кредитов.

Авреем добрался до бара и обнаружил Исмаила, громко спорящего с бритоголовым барменом за стойкой. Это казалось плохой идеей, учитывая, что тот был увеличенным генетически и частично аугметированным огрином. Авреем видел, что бармен способен свернуть шею человеку простым движением запястья и знал, что для затуманенного шайном крошечного мозга это станет всего лишь непреднамеренным насилием. Глазные фильтры считали стёртые идентификационные коды аугметики на руках и черепе огрина.

Нелегальные подделки пятого поколения. Грубые и дешёвые, но эффективные.

— Ты пробовал это? — возмущался Исмаил. — Этот чёртов идиот пытается отравить меня!

— Это особая смесь, — ответил Авреем, взяв стакан у бармена и подвинув пару лишних кредитов. — Фактически уникальная. Просто нужно немного привыкнуть.

Бармен пристально посмотрел на него и кивнул в сторону выхода. Авреем понял и сделал три глотка, пока Койн уводил Исмаила подальше от сердитого огрина. Когда управляющий оказался за пределами слышимости он склонился над барной стойкой и сказал. — Мы замнём это и уйдём. Мы здесь не за неприятностями.

Бармен что-то проворчал, а Авреем последовал за Койном и Исмаилом к многоместному сидению в углу контейнеров, подальше от большинства посетителей. Эта часть бара почти пустовала, потому что располагалась рядом с уборными. Стояла острая вонь несвежей мочи и экскрементов, впрочем, не слишком отличавшаяся от резких паров их напитков.

— Кишки Императора, — выругался Исмаил. — Здесь воняет.

— Да, зато у нас есть место, — сказал Койн. — А после дневной смены в доках это главное, так?

— Вот именно, — согласился Авреем. — Доживёшь до наших лет, и поймёшь, как это важно.

— Я провожу дни, сидя в кабине управления, — подчеркнул Исмаил.

— Ты — проводишь, мы — нет, — ответил Койн, не сумев сдержать нотки негодования в голосе.

К счастью Исмаил был слишком пьян, чтобы это заметить, а Авреем одарил напарника предупреждающим взглядом.

— Давай, выпьем по одной и идём отсюда, — сказал он, но Исмаил не слушал. Авреем проследил за его пристальным взглядом и вздохнул, увидев знакомое лицо, низко склонившееся над выпитой на три четверти бутылкой шайна.

— Это он? — спросил Исмаил.

— Да, это он, — подтвердил Авреем, положив ладонь на руку управляющего. — Оставь его в покое, поверь мне. Он того не стоит.

— Нет, — возразил Исмаил, сбросив его руку с мерзкой усмешкой. — Я хочу посмотреть, как выглядит настоящий герой.

— Он не герой, он пьяница, врун и напрасная трата пары спецовок.

Исмаил не слушал и Авреем кивнул Койну, пока их начальник направлялся к соседнему столику. Он увидел, как огрин взвесил в руке кусок арматуры длиной с ногу человека и направился сквозь переполненный бар, раздвигая группы людей, подобно астероиду с собственным гравитационным полем. Кое-кто из более трезвых посетителей почувствовал неприятности и направился к выходу. Авреем пожалел, что не мог последовать их примеру.

— Он не герой, он пьяница, врун и напрасная трата пары спецовок.

Исмаил не слушал и Авреем кивнул Койну, пока их начальник направлялся к соседнему

столику. Он увидел, как огрин взвесил в руке кусок арматуры длиной с ногу человека и направился сквозь переполненный бар, раздвигая группы людей, подобно астероиду с собственным гравитационным полем. Кое-кто из более трезвых посетителей почувствовал неприятности и направился к выходу. Авреем пожалел, что не мог последовать их примеру.

Он выругался и сел рядом с Исмаилом, который устроился на стуле возле стола пьяницы.

— Ты — он, — сказал Исмаил, но человек проигнорировал его.

Авреем изучал его лицо. Постаревшее раньше срока и покрытое морщинами, сеть разорванных капилляров на румяных щеках и носе говорили о немалом времени, проведённом за бутылкой, но чувствовалась и твёрдость, напомнив ему, что этот человек когда-то служил в Гвардии.

Плохой солдат, если верить его историям, но всё же солдат.

— Я сказал “ты — он” не так ли? — не унимался Исмаил.

— Уходи, — ответил человек, и Авреем услышал печаль в его голосе. — Пожалуйста.

— Я знаю, ты — он, — произнёс Исмаил, наклонившись над столом. — Я видел тебя во время смены на прошлой неделе и слышал про тебя всё.

— Значит, мне не придётся ничего повторять, — сказал человек и Авреем понял, что он не пьян.

Бутылка перед ним была старой, а выпивка в руке нетронутой.

— Я хочу послушать, как ты расскажешь это, — ехидно сказал Исмаил.

— Зачем? Я рассказываю снова и снова, но мне никто не верит.

— Давай, герой, расскажи, как ты убил Железного Воина. Ты дыхнул на него, и он свалился замертво?

— Пожалуйста, — сказал человек, и в его голосе почувствовалась сталь. — Я вежливо прошу вас оставить меня в покое.

— Нет, пока ты не расскажешь мне, как победил целую армию космических десантников-предателей, — ответил Исмаил и потянулся за бутылкой человека.

Тот отшвырнул её в и прежде чем кто-либо успел отреагировать, приставил к горлу

управляющего нож. Клинок тускло блеснул в слабом свете. Авреем увидел регистрационный номер: 250371, гвардейский вариант, углеродистая сталь и смертоносное лезвие, способное в умелых руках рассечь сварной шов.

Огрин добрался до столика и ударил арматурой по стаканам. Во все стороны полетели осколки стёкла и щепки. Авреем оказался на ребристом полу. Вонь здесь оказалась почти невыносимой, и он повернулся, когда бармен подошёл к человеку, который прижал Исмаила ножом к стене.

— Убери нож. Отпусти человека, — сказал огрин, запинаясь, как ребёнок.

Пьяница не обратил на его слова внимания и надавил ножом на шею Исмаила, отчего показалась тонкая линия крови.

— Я прикончил бы тебя, если бы верил, что остальные перестанут задавать мне снова и снова одни и те же проклятые вопросы. Или я просто прикончу тебя, потому что дерьмово себя чувствую.

— Убери нож. Отпусти человека, — повторил огрин.

Прежде чем ему подчинились, металлические выдвижные двери по всему бару с грохотом распахнулись и раздались усиленные воксом голоса. Внутри хлынул свет с натриевым оттенком и со своего места на полу Авреем увидел стробирующие прожекторы, установленные на огромных бронированных машинах. Фигуры в чёрной броне ворвались в бар, сбивая людей на пол жестокими ударами шоковых булав и прикладами автоматических дробовиков. Гончии с металлической шкурой на цепях лаяли с аугметическим гневом, обнажив полированные стальные клыки.

— Вербовщики! — закричал Койн, отползая от перевёрнутого стола. Авреем с трудом встал, резко протрезвев при виде мобилизационных команд, которые тащили людей к грохотавшим тюремным транспортам. Человек с ножом отступил от Исмаила, и тот бросился к ближайшему выходу, рыдая от страха и растерянности.

В баре началась суматоха. Ревели запугивающие сирены, мерцал ослепительный свет, всё было сделано специально, чтобы ошеломить и дезориентировать. Окуляры Авреема защитили его от резкого света, но сирены продолжали оглушительно выть. Мужчины, облачённые в чёрную кожу, мерцающую панцирную броню и бронзовые безликие шлемы ворвались в бар, подобно солдатам, зачищавшим помещение. Авреем увидел, как Исмаилу попали в спину мягким болтом, и управляющий отлетел в металлическую стену. Затем осел на пол, потеряв сознание, и две кибергончии вытащили его обмякшее тело наружу.

Рука сжала плечо Авреема. — Мы должны выбираться отсюда! — закричал Койн.

Авреем озирался вокруг. Вербовщики и мастиффы перекрыли все выходы или, по крайней

мере, все очевидные. Должны остаться несколько, о которых они не знают.

— Сюда, — сказал человек с ножом. — Если не хочешь, чтобы тебя поймали — следуй за мной.

Он побежал, но огрин схватил его за шиворот, продолжая молча наблюдать за методичной подчинительной тактикой вербовщиков. В бармена попало несколько мягких болтов, но, похоже, он едва почувствовал их и Авреем укрылся за спиной ворчащего существа, которое пыталось понять, что происходит и почему в него стреляют.

Пьяница попытался вырваться из его хватки, но против силы огрина он оказался беспомощным, как ребёнок.

— Отпусти меня, чтоб тебя! — орал он.

— Забудь о нём, — сказал Койн. — Есть запасной выход через уборные.

Авреем кивнул и направился мимо ошеломлённого огрина и в этот момент шквал мягких болтов забарабанил по стене контейнера рядом с его головой. По вмятинам в листовой стали Авреем решил, что “мягкие” болты не такие уж и мягкие.

Койн толкнул шаткую дверь в туалет и сразу же отлетел назад от удара шоковой дубинкой по голове. Он упал на пол. Авреем резко остановился и собрался бежать в другую сторону. Потрескивающая булава устремилась к его голове, но он увернулся и бросился назад, откуда пришёл. Он услышал металлический кашель выстрела из дробовика, и в пояснице вспыхнула боль, парализовав ноги. Авреем снова упал, чувствуя болезненные спазмы вдоль позвоночника.

Руки в сетчатых перчатках приподняли его и потащили сквозь разгромленный бар, где бывшие посетители молили, угрожали и торговались с вербовщиками. Авреем попытался бороться, но быстро сдался. После того, как вербовщики схватят тебя, что и произошло, жизнь продолжится на борту космического корабля, впрочем, это не помешало ему попробовать вымолить свободу.

— Пожалуйста, — сказал он. — Вы не можете... У меня есть... разрешение. Я работаю! У меня есть жена!

Его выволокли наружу, и он заморгал от статических помех, диссонирующий вой сирен вызывал тошноту, а от несмолкающего лая кибергончих ныли зубы. Вербовщики швырнули его в открытые двери урчащего волонтерского фургона, и другие руки поставили его в вертикальное положение. Ноги ещё оставались слабыми, но он мог стоять, и в этот момент щёлкнула и засветилась био-оптика глаз, перегрузив фильтры.

— Эксоматическая аугметика, — раздался голос, удивление чувствовалось даже несмотря на приглушавшую звуки вокс-решётку.

— Третичный сорт, — сказал другой. — Мы можем вытащить из неё полные био-данные и послужной список?

— Готово. Техник-погрузчик Авреем Локк, назначен на подъёмный кран Савицкас.

— Техник-погрузчик с третичной аугметикой? Достал на чёрном рынке.

— Или украл.

— Она не украдена, — выдохнул Авреем, пока фильтры перенастраивались. Перед ним стояли трое мужчин в глянцевой чёрной броне. Двое удерживали его в вертикальном положении. Третий сверялся с инфопланшетом. — Она принадлежала моему отцу.

— Он был крепостным? — требовательно спросил четвёртый голос, сильно аугметированный вокс-усилением.

Авреем повернул голову и увидел магоса Адептус Механикус в тёмно-красной мантии с капюшоном, в тених которого виднелись только горячие угольки трёхчастной оптики. С его шеи свисала чёрно-золотая епитрахиль с зубчатыми шестерёнками по краям и множеством расплывчатых чисел, а к спине крепился тяжёлый ранец генератора, из воздухопроводов которого подобно дыханию вырывались порывы лёгкого холодного тумана, от чего броня ближайшего вербовщика покрылась изморозью.

— Да, у магоса Ксургиса из 734-го Джоурского Мануфактурного Эшелона.

— Тогда ты можешь оказаться полезным. Возьмите его и не повредите оптику. — Велел магос, отворачиваясь и следуя дальше вдоль неровной линии мужчин и женщин в ошейниках, паря на мерцающей подушке репульсионных полей.

— Нет, пожалуйста! Не делайте этого! — закричал Авреем, но вербовщики не обращали на его просьбы никакого внимания. Гигантский сервитор с поршневой мускулатурой потащил его внутрь стального транспорта, где находились ещё, по крайней мере, тридцать закованных в цепи человек в различной степени смятения. Он увидел Койна и Исмаила, связанных подобно домашнему скоту перед бойней. Огрин сидел с озадаченной улыбкой на лице, упираясь спиной в стену тюремного отсека, словно произошло всего лишь незначительное изменение в его повседневной жизни, а не ужасный переломный момент.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/656273>